
УДК 316.32
ББК 60.52
С 83

А.Э. Страдзе,

кандидат социологических наук, доцент, директор Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Министерства образования и науки Российской Федерации, г. Москва, тел.: 8- (495)-237-60-84, e-mail: ippk2004@yandex.ru

Социальная активность, пределы самоорганизации и организации (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются процессы самоорганизации российского общества в контексте социальной активности населения. Автор анализирует потенциал социальной организации и самоорганизации и делает концептуальные выводы о ее перспективах.

Ключевые слова: социальная активность, социальная организация, социальная самоорганизация, социальная солидарность.

A.E. Stradze,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Director of the Department of Additional Education of Children, Education and Youth Policy of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow, ph.: 8-(495)-237-60-84, e-mail: ippk2004@yandex.ru

Social activity and self-organization and organization limits

Abstract. The paper examines the processes of self-organization of the Russian society in a context of social activity of the population. The author analyzes the capacity of the social organization and self-organization and draws conceptual conclusions about its prospects.

Keywords: social activity, social organization, social self-organization, social solidarity.

Актуальность проблемы, анализируемой в данной статье, связана с тем, что россияне, выступая сторонниками сильного государства, на наш взгляд, парадоксальным образом приписывают обществу состояние отчужденности и слабости. Точнее, демонстрируя веру в собственные силы, они достаточно прохладно относятся к вере в эффективность совокупных действий. Можно здесь сослаться на неискоренимый индивидуализм и на эффект «безбилетного пассажира», якобы присущий российскому автоматизированному обществу. Кроме того, для большинства россиян ни одна группа не может являться выразителем интересов всего общества. Существует гипотеза, что влияние социальных групп так или иначе связано

с потенциалом социальной организации, с уровнем социальной консолидированности и сплоченности.

Данные социологических опросов, проводимых в нашей стране, показывает, что приоритетом интересов россиян является интерес своей семьи (60%) или собственный интерес (20%), интересы государства и коллектива имеют значение для 20% (по 10% соответственно) [1]. На первый взгляд кажется, парадоксальным, что, относясь к государству как потенциальному и желательному выразителю всеобщих интересов, россияне не считают возможным каким-то образом выступать в поддержку государства или руководствоваться его интересами. Также это относится к коллективу, участие

в решении которого, как мы выявили, значимо практически для всех россиян на уровне социального микромира.

Объяснение этому можно найти в том, что для жизненных приоритетов россиян интересы семьи представляются более значимыми, как наиболее стабильные, не подверженные изменениям и связанные как раз с реализацией собственных ресурсов или поддержкой круга близких. Государство, которое по идеальной схеме должно защищать интересы всех, находится слишком высоко и далеко, чтобы принимать участие в повседневной жизни. Что же касается социальной активности, она выглядит избыточной, в силу того что и государство само, как коллективный орган, является более компетентным и по организационной и правовой мощи, и воздействию несравнимо даже с совокупной социальной активностью граждан.

Находясь под влиянием ухода государства из сферы важных для россиян интересов, или отказа от ответственности, возрастает число тех, кто не просто неудовлетворен состоянием государственной опеки, но и представляет развитие общественной ситуации в весьма пессимистических тонах и оценках.

Как отмечают авторы исследования «Готово ли российское общество к модернизации», отношение россиян к демократии, прежде всего выражается в равенстве всех граждан перед законом, то есть как раз в той сфере, где есть необходимость соприкосновения не с обществом, а с государством. Таковых 53%, несмотря на устойчивое снижение этого показателя. А формы, предусматривающие социальное участие и социальную самоорганизацию, имеют достаточно низкие позиции. В частности, в отличие от Запада, невысоко оценивается роль оппозиции, которая контролировала бы президента и правительство (19%), а также референтное право, как отмечалось ранее (21%) [2]. Настаивая на позиции свободного выражения своих взглядов, респонденты не стремятся к конвертации их в различные формы социальной активно-

сти, и прежде всего, в оппозиционную деятельность.

По результатам исследования, большинство респондентов считает, что каким бы не представлялось несовершенным государством, проблема состоит не в том, насколько будет высока активность граждан, а насколько внутри государственных структур произойдут изменения, способствующие выполнению нормативных функций, а это предполагает особую ответственность российской политической элиты, которая многим представляется единственной консолидированной группой, как минимум объединенной принадлежностью к государственным делам.

Суть претензий россиян также состоит в том, что чиновники плохо справляются со своими обязанностями или преследуют личные интересы. От 49% до 52% респондентов [3] признают, что нужно действовать сообща. Актуальность личных действий граждан оценивается невысоко.

В нынешних условиях в большей степени задействованы механизмы самооправдания пассивности, которая произрастает из недоверия на межличностном уровне и склонности большинства ограничиваться пассивной поддержкой. Речь идет даже о тех социальных позициях, которые кажутся в высшей степени привлекательными. Причем вопросы низового участия в меньшей степени волнуют как раз тех, кто обладает наибольшим потенциалом социальной активности (модернистов) [4]. Возможно, это свидетельствует социальная активность воспринимается ими как то, что можно позволить сверх повседневных обязанностей, то есть как то, что имеет необязательный выборочный смысл.

На наш взгляд, социальная самоорганизация россиян, если опираться на количественные показатели, постоянно колеблется на среднем уровне — 10%-12% [5]. Возможно, это объясняется тем, что, по мнению большинства населения, общественные организации не в состоянии конкурировать с государством, и самое главное, являются по существу группами делегирования

интересов, не вполне демократичными, не имеющими возможности прямого воздействия, в отличие от форм низовой демократии. Также необходимо отметить, что на роль лидеров общественных движений претендуют, как правило, наиболее образованные и мобильные люди, остальная же масса, как правило, остается безучастной и инертной.

О неоднозначном характере отношения к социальной самоорганизации свидетельствует и то, что для того, чтобы быть яркой индивидуальностью, не обязательно быть общественно инициативным. Судя по всему, для большинства россиян социальная самоорганизация возможна только в рамках макрообщности. Более того, по отношению к тому, чьи интересы должны представлять те или иные общественные организации, один из ведущих специалистов по современным общественным движениям И.А.Халий вынуждена признать, что хотя для общественных организаций свойственна функция агрегации интересов, акции, которые проводят даже организации, связанные с глобальной сетью, не выходят за рамки частных, экономических интересов [6].

Социальная самоорганизация мыслится не как деятельность новых групп, как поиск новых форм социальной интеграции, а связана с возможностью влияния на положение в локальных сообществах. Можно говорить о низкой мотивации гражданского участия, равнодушного отношения к происходящему в стране, но, как признают сами респонденты, обладают качествами инициативной активности 26% населения [7]. Это тот показатель, который свидетельствует лишь о том, что в российском обществе есть потенциал социальной активности, но не фиксирует рост социальной активности как реальной социальной силы.

Этот вывод укладывается в тенденцию, которая, несмотря на восприятие возрастания позитивной оценки активности, по отношению к кругу близки, а это решающий фактор формирования социального самочувствия, активность

воспринимается достаточно как абстрактное, не воспринимается, не востребовано.

Можно сказать, что социальная самоорганизация понимается большинством респондентов как перенос, как ориентир на организацию с государственными институтами: чем выше формализованность структуры, тем больше организация воспринимается как значимая. Но это мнение может быть опровергнуто тем, что как раз, на наш взгляд, несмотря на то, что российские общественные организации часто не охотно идут на контакт с неформальными структурами, или чинят препятствия на пути кооперации с новыми движениями, вопрос социальной самоорганизацией рассматривается как потенциал социальной активности в ином ракурсе.

В российском обществе сложилась формальная структура для того, чтобы россияне проявили себя социально активными людьми. Практическое осуществление сдерживается тем, что социальная самоорганизация включает использование определенных демократических выборных процедур, системы референного права и обратной связи населения и государства. В попытке проявить себя респонденты придерживаются анархистского принципа негативного индивидуализма.

В то же время нельзя выпускать из виду, что новым социальным организационным формам мешает засилье старых, традиционных структур, выхаластивших свое содержание. В этих условиях попытки власти каким-то образом обозначить зону диалога с общественностью, привлечь экспертов или просто думающих и активных людей к решению социальных проблем достигается постепенной констатацией новых общественных структур.

При этом не следует забывать, что для населения всякая организованная деятельность содержит риск должностования, принудительности или пожертвования, что не является необходимым элементом реализации жизненных стратегий. Если судить по результатам социологических исследо-

ваний, для определенной части россиян (26%) жизнь в целом складывается. Можно сказать, что они равным образом позитивно оценивают свое положение в обществе, и в этом смысле могут быть подвержены двум в принципе взаимоисключающим тенденциям. С одной стороны, позиция постороннего наблюдателя, невмешательства в общественную и государственную жизнь. С другой стороны, как отмечают 54% респондентов, — возможность приспособления.

На наш взгляд, то, что среди скептиков в реальности большинство полагают, что влиять на общественную жизнь могут люди, обладающие компетентностью, экспертным знанием, а человеку с улицы не свойственная оценка и решения социальных проблем. По этому критерию, безусловно, не каждый может стать социальным активистом, хотя «зеленая улица» дана многим, тем, кто хотел бы поддерживать социальную инициативу. Можно сказать, и то, что в российском обществе 35% россиян верят в социальную инициативу и возможность диалога с властью, это является достаточным заделом для того чтобы говорить о придании общественным движениям динамики [8]. Не удивительно, что в связи с этим, для большинства россиян важным остается вопрос о том, с чем должны связываться организация, чтобы не стать бюрократической.

Возникновение новых организаций представляется как погружение в хаос, вызванный конкуренцией различных групп за социальные преференции. Не случайно, что эти различия вызывают отрицательную реакцию у 43% респондентов [9], что казалось бы, противоре-

чит проводимой за рубежом политике мультикультурализма и «созвездия» интересов. По нашему мнению, сказывается то, что для россиян это свидетельствует об аморфности большинства интересов и не возможности их констелляции на уровне социального представительства. При этом россияне в своей массе понимают, что принцип демократического централизма не самый лучший способ согласования интересов и мнений.

Таким образом, для большинства респондентов общественные организации не могут, не в состоянии и не должны заменить государство на тех направлениях, которые являются традиционными. Речь не идет о сфере социального опекунства, а о том, что государство должно защищать интересы граждан, координировать и защищать, представлять народ, как макрообщность, и делать упор на обретение населением социальной уверенности, социального достоинства и чувства личной и групповой безопасности.

Можно сказать, что, во-первых, социальная самоорганизация как потенциал социальной активности в российском обществе, чрезмерно переоценивается так называемыми организаторами, когда для населения важным является полезность тех или иных структур. Во-вторых, социальная самоорганизация населения сдерживается негативным опытом 90-х годов и нежеланием внести конкуренцию в общественные организации. В-третьих, позитивно оцениваются те организации, которые вступают в контакт с властными структурами по схеме взаимного интереса; это вызывает у респондентов чувство надежды на решение конкретных социальных проблем.

Примечания:

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 265.
2. Готово ли российское общество к модернизации. М., 2011. С. 85.
3. Там же. С. 94.
4. Там же. С. 94.
5. Готово ли российское общество к модернизации. М., 2011. С. 97.
6. Халий И.А. Современные общественные движения. М., 2007. С. 179.
7. Там же. С. 90.
8. Там же. С. 147.
9. Российское общество как оно есть. М., 2012. С. 272-278.
10. Готово ли российское общество... С. 97.
11. Там же. С. 108.

References:

1. Gorshkov M.K. The Russian society as it is. M., 2011. P. 265.
2. Is the Russian society ready for modernization? M., 2011. P. 85.
3. Ibidem. P. 94.
4. Ibidem. P. 94.
5. Is the Russian society ready for modernization? M., 2011. P. 97.
6. Khaly I.A. Modern social movements. M., 2007. P. 179.
7. Ibidem. P. 90.
8. Ibidem. P. 147.
9. The Russian society as it is. M., 2012. P. 272-278.
10. Is the Russian society ready for ... P. 97.
11. Ibidem. P. 108.